

КРИСТОФЕР ПРИСТ

КРИСТОФЕР ПРИСТ

Дотерея

fanzon

Москва

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П77

Christopher Priest

THE AFFIRMATION

Copyright © 1981 by Christopher Priest

Разработка серии и иллюстрация на обложке и форзаце
В. Половцева

Перевод с английского *М. Пчелинцева*

Оформление *А. Саукова*

Прист, Кристофер.

П77 Лотерея / Кристофер Прист ; [пер. с англ. М. А. Пчелинцева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Большая фантастика).

ISBN 978-5-699-91659-7

Питер Синклер потерял все — отца, любимую девушку, работу. Чувствуя, что сама жизнь ускользает, как песок между пальцами, он пытается зафиксировать ее на бумаге. Но то, что начинается как автобиография, вскоре оборачивается историей совершенно другого человека в другом мире, и новая реальность засасывает Питера с головой...

От автора «Опрокинутого мира», «Машины пространства», «Гламюра» и экранизированного Кристофером Ноланом «Престижа» — романа, благодаря которому престижный альманах «Гранта» включил Приста в свой список наиболее перспективных британских авторов 1980-х годов наряду с Мартином Эмисом, Яном Макьюэном, Джулианом Барнсом, Салманом Рушди, Кадзуо Исигуро и Грэмом Свифтом.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© М. Пчелинцев, наследники, перевод
на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91659-7

Посвящается М. А. и Л. М.

О мудрые, из пламени святого,
Как со золотых мозаик на стене,
К душе моей придите и сурово
Науку пенья преподайте мне,
Мое убейте сердце: не готово
Отречься тела бренного, зане
В неведеньи оно бы не взалкало
Искомое бессмертного вокала.

Мне не дает неверный глазомер
Природе вторить с должною сноровкой;
Но способ есть — на эллинский манер
Птах создавать литьем и тонкой ковкой
Во злате и финифти, например,
Что с древа рукотворного так ловко
Умеют сладко василевсам петь
О том, что было, есть и будет впредь.

*У. Б. Йейтс, «Плавание в Византий»
(Пер. Е. Витковского)*

1

Нижеследующее я знаю точно.

Мое имя Питер Синклер. Я англичанин, мне двадцать девять лет, во всяком случае — было двадцать девять, здесь уже вкрадывается некая неопределенность. Возраст подвержен изменениям, сейчас мне уже не двадцать девять лет.

Когда-то я верил, что категоричность слов является верной гарантией истинности сказанного. Имея соответствующее желание и подобрав правильные слова, я смогу, в силу самих уже этих обстоятельств, писать правду и только правду. С того времени я успел узнать, что слова надежны не сами по себе, а лишь в той степени, в какой надежен разум, их отбирающий, а потому в основе любого повествования лежит своего рода обман. Тот, кто проводит отбор чересчур скрупулезно, становится сухим педантом, зашоривает свою фантазию от более широких, ярких видений, однако тот, кто перегибает палку в другую сторону, приучает свой разум к анархии и вседозволенности. Что же до меня, я скорее предпочту рассказывать о себе, опираясь на свой сознательный выбор, чем

на игру случая. Могут сказать, что эта «игра» порождается моим сознанием и тем уже интересна, однако я по необходимости пишу с постоянной оглядкой на дальнейшее развитие событий. Многие в них еще не ясно. Сейчас, на старте, мне никак не обойтись без занудного педантизма. Я обязан выбирать слова с предельной осторожностью. В моем повествовании не должно быть места для ошибок.

А потому я начну его заново. Летом 1976 года, когда я поселился в коттедже Эдвина Миллера, мне было двадцать девять лет.

Как этот факт, так и мое имя можно считать установленными точно, потому что они получены из объективных, независимых от меня источников. Имя я получил от своих родителей, год был написан в календаре, так что спорить здесь не о чем.

Весной того самого года, когда мне было еще двадцать восемь, моя жизнь достигла поворотной точки. Это выразилось в сплошной полосе несчастий, вызванных обстоятельствами чисто внешними, мне не подвластными. Упомянутые несчастья никак друг от друга не зависели, однако они свалились на меня почти одновременно на протяжении немногих недель, а потому казались результатом некоего зловещего заговора.

Первое и главное, умер мой отец. Совершенно неожиданная смерть — его убила церебральная аневризма, никак до того не проявлявшаяся. У нас с отцом были хорошие отношения — и близкие,

и достаточно отстраненные; после смерти матери, наступившей двенадцатью годами раньше, я и моя сестра Фелисити тесно с ним сблизилась, хотя и находились в том возрасте, когда подростки, как правило, бунтуют против своих родителей. Года через два или три, частично из-за того, что я поступил в университет, частично из-за моих расхождений с Фелисити, эта близость нарушилась. Мы трое жили теперь в разных частях страны и сходились вместе лишь по очень редким случаям. Однако воспоминания о том коротком периоде создавали между мной и отцом прочную, никогда не обсуждавшуюся нами связь, и мы оба ее ценили.

Отец умер человеком состоятельным, но никак не богатым. К тому же он не оставил завещания, что означало для меня ряд скучнейших встреч с его юристом. В конечном итоге мы с Фелисити получили по половине его денег. Сумма не была достаточно большой, чтобы заметно изменить нашу жизнь, однако в моем случае ее хватило, чтобы смягчить то, что вскоре последовало.

Дело в том, что через несколько дней после смерти отца я узнал, что меня увольняют.

Страна вошла в полосу экономического упадка со всеми его радостями: ростом цен, забастовками, безработицей и нехваткой капитала. Полный мелкобуржуазного гонора, я считал самоочевидным, что университетский диплом надежно защитит меня от всего этого. Я работал химиком в фирме,

производившей ароматические вещества для большой фармацевтической компании, ну а там произошло слияние с другой группой, изменение рыночной политики, и в итоге наша фирма была вынуждена закрыть мой отдел. Сперва я решил, что поиски новой работы будут несложной, чисто технической задачей — на моей стороне были опыт, образование и готовность быстро переквалифицироваться. К сожалению, скоро выяснилось, что я далеко не единственный дипломированный химик, попавший под сокращение, а количество подходящих вакансий исчезающе мало.

Затем мне было отказано от квартиры. Государственное законодательство, частично защищавшее арендаторов за счет ущемления прав домовладельцев, изуродовало всю механику спроса и предложения. Покупка и перепродажа недвижимости стала более выгодной, чем сдача ее внаем. Что касается меня, я снимал квартиру в Килбурне, на первом этаже большого старого дома, и жил там уже несколько лет. Теперь этот дом был продан риелторской фирме, и мне предложили съехать. Для таких случаев была предусмотрена возможность обжалования, однако действовать следовало быстро и энергично, а я был полностью поглощен прочими своими бедами. Вскоре стало ясно, что съехать все-таки придется. Но куда, если покидать Лондон не хочется? Мою ситуацию никак нельзя было назвать атипичной, спрос на квартиры непрерывно рос, а предложение падало.

Арендная плата стремилась куда-то в заоблачные выси. Люди, имевшие квартиры в долгосрочной аренде, держались за них обеими руками, а уж если куда-нибудь переезжали, передавали арендные права своим друзьям. Я делал все возможное: зарегистрировался в уйме агентств, звонил по объявлениям, просил всех моих знакомых, чтобы они сразу же мне сообщали, если услышат об освобождающейся где-нибудь квартире, однако за все то время, когда надо мной висела угроза выселения, мне ни разу не представилось случая хотя бы осмотреть предлагаемое жилище, не говоря уж о том, чтобы найти что-нибудь подходящее.

А для полной, видимо, радости в это же самое время мы с Грацией напрочь разругались. И если все прочие проблемы свалились на меня извне, то здесь я сам был отчасти виноват и не имею права складывать с себя ответственность.

Я любил Грацию, и она меня вроде бы тоже. Мы были знакомы довольно давно и прошли через все обычные стадии: новизны, притяжения, крешущей страсти, временного разочарования, обретения наново, привычки. Она была сексуально неотразима, во всяком случае — для меня. Мы могли быть друг другу хорошей компанией, удачно дополняли настроения друг друга и в то же время сохраняли достаточно различий, чтобы время от времени друг друга удивлять.

Вот в этом и крылся будущий наш разлад. Мы с Грацией возбуждали друг в друге несексуальные

страсти, которых ни я, ни она не испытывали в чем-либо еще обществе. Она вызывала во мне, человеке довольно спокойном, приступы ярости, любви и горечи, почти ужасавшие меня своей силой. В присутствии и при участии Грации все бесконечно обострялось, все приобретало тревожную, разрушительную буквальность и значимость. Легкость, с какой у Грации менялись намерения и настроения, приводила меня в бешенство, к тому же она была сплошь напшигована невротами и фобиями, что казалось мне поначалу весьма трогательным, а потом стало заслонять все остальное. Неустойчивая психика делала ее одновременно и хищной, и легкоуязвимой, в равной степени — хотя и в разные моменты — способной страдать и причинять страдание. С ней было трудно, и даже долгая привычка ничуть не смягчала эту трудность.

Когда мы ссорились, ссоры вспыхивали неожиданно и протекали очень бурно. Они всегда застигали меня врасплох, хотя позднее я с удивлением понимал, что напряжение нарастало уже несколько дней. Как правило, эти ссоры прочищали воздух и завершались обновленным, более острым ощущением нашей близости — либо сексом. Бурный темперамент Грации оставлял ей только две крайние возможности: либо прощать быстро, либо вообще не прощать. Во всех, кроме одного, случаях она прощала быстро, и этот единственный стал, естественно, последним. Эта кошмарная, совершенно базарная свара разрази-

лась прямо на улице. Грация визжала и крыла меня последними словами, люди проходили мимо нас, делая по возможности вид, что ничего не видят и не слышат, а я стоял как истукан, кипящий возмущением внутри и абсолютно невозмутимый наружно. Затем я повернулся и ушел домой, и там меня вытошнило. Все мои попытки до нее дозвониться были безуспешными, она то ли ушла куда-то, то ли не брала трубку. Как нарочно, это случилось в самый неподходящий момент, когда я искал работу, искал квартиру и пытался привыкнуть к тому, что у меня теперь нет отца.

Вот таковы факты — насколько выбранные мною слова способны их описать.

Как я на все это реагировал, вопрос совершенно другой. Практически каждый человек в тот или иной момент своей жизни теряет родителей, каждый, у кого возникает такая необходимость, находит со временем новую работу и новую квартиру, а печаль, сопровождающая разрыв любовной связи, мало-помалу рассеивается либо быстро сменяется радостью новой встречи. Только на меня все это свалилось одновременно; я чувствовал себя как человек, которого сбили с ног, а затем, прежде чем он успел подняться, еще и втоптали в землю. Я был жалок, деморализован, наполнился горечью на несправедливость судьбы и ненавистью к удушающему кошмару Лондона. Как-то так вышло, что большая часть моего недовольства сосредото-

чилась на Лондоне, теперь я видел в нем массу недостатков и только их. Шум, грязь, вечная толкучка, дорогой общественный транспорт, плохое обслуживание в магазинах и ресторанах, задержки и неразбериха — все это казалось мне характерными проявлениями случайных факторов, грубо нарушивших мою жизнь. Я устал от Лондона, устал от себя, живущего в этом городе. Однако такая позиция не сулила ничего хорошего — я уходил все глубже в себя, становился вялым и бездеятельным, опасно приближался к грани саморазрушения.

Помогла счастливая случайность. Разбирая отцовские письма и бумаги, я захотел встретиться с Эдвином Миллером.

Эдвин был другом семьи, но я очень давно его не видел. Собственно говоря, мое последнее воспоминание о нем относилось к школьным годам, воспоминание о том, как он и его жена бывали у нас в гостях. Мне было тогда лет тринадцать или четырнадцать. Детские впечатления очень ненадежны: я вспоминал Эвина и других приходивших к нам взрослых из компании моих родителей с не критическим чувством приязни, но эта приязнь была не столько личной, сколько опосредованной, полученной от родителей. Собственного мнения у меня фактически не было. Школьные уроки, подростковые развлечения и страсти, физиологические неожиданности собственного тела и все прочее, положенное этому возрасту, произ-

водили на меня куда более глубокое, непосредственное впечатление.

Было очень интересно взглянуть на Эдвина теперь, когда мне было уже под тридцать, а ему слегка за шестьдесят. Худой, жилистый, загорелый, он лучился неподдельным дружелюбием. Мы с ним пообедали в его гостинице, стоявшей на окраине Блумсбери. Была ранняя весна, и туристский сезон едва начинался, однако мы с Эдвином оказались едва ли не единственными на весь ресторан англичанами. Я вспоминаю группу немецких бизнесменов за соседним столиком, а еще японцев, арабов и кого только не; даже официантки, одна из которых принесла нам говяжью вырезку, были то ли малайками, то ли филиппинками. Все это дополнительно подчеркивалось Эдвиновым грубовато-провинциальным акцентом, живо напомиравшим мне детство, наш дом на окраине Манчестера. Я давно уже привык к год от года все более космополитической природе лондонских ресторанов и магазинов, а вот сейчас Эдвин странным образом ее высветил, заставил казаться противоестественной. Все время, пока мы обедали, я ощущал ностальгию, сосущую тоску по времени, когда жизнь была много проще. Спору нет, она была и более ограниченной, и далеко не все смутные воспоминания, отвлекавшие меня от обеда, имели приятный характер. Эдвин был чем-то вроде символа прошлого, и первые полчаса, когда мы не перешли еще от обмена любезностями к нор-

мальному разговору, я видел в нем образчик той среды, из которой я, по счастью, сумел вырваться, переехав в Лондон.

И все же он мне нравился. Не исключаю, что я тоже представлял для него некий символ; он нервничал в моем присутствии и компенсировал свою нервозность излишне щедрыми восторгами по поводу состояния моих дел. Судя по тому, что Эдвин знал об этих делах довольно много, во всяком случае на поверхностном уровне, он не раз обсуждал их с моим отцом. В конце концов его бесхитрое простодушие подвигло меня на откровенность; я прямо сказал ему, что случилось с моей работой. После чего, уже по инерции, рассказал и о квартире.

— Со мной, Питер, тоже такое было, — сказал он, чуть подумав. — Давно, сразу после войны. Можно бы подумать, что тогда было много свободных рабочих мест, но парни возвращались из армии сплошным косяком, и первое время устроиться было трудно.

— И что же вы сделали?

— Тогда мне было примерно столько же, сколько тебе сейчас. Начать все заново можно в любом возрасте. Я немного посидел на пособии, а затем устроился на работу к твоему отцу. Ты же знаешь, как мы с ним встретились.

Ничего такого я не знал. Еще один пережиток детства: я как-то считал самоочевидным, что ро-

дители и их друзья никогда не знакомились, а знали друг друга всю жизнь.

Эдвин напоминал мне моего отца. Физически совершенно непохожие, они были примерно одного возраста и имели близкие интересы. Мне казалось, что они сходны внутренне, но это сходство было по большей части порождено моим собственным воображением. Оно проявлялось разве что в тягучем северном акценте, в разговорных интонациях и в подчеркнутом прагматизме.

Эдвин казался точно таким же, как я его запомнил, но это было абсолютно невозможно. Мы с ним оба постарели на пятнадцать лет, так что, когда я последний раз его видел, ему не было еще и пятидесяти. Теперь его волосы поседели и заметно поредели, на шее и вокруг глаз пролегли глубокие морщины, а правая рука плохо гнулась, по поводу чего он отпустил пару замечаний. Эдвин никоим образом не мог выглядеть так прежде, и все равно сейчас, в гостиничном ресторане, его знакомая внешность вселяла в меня спокойствие и нечто вроде уверенности.

Мне подумалось о других людях, которых я встречал по прошествии времени. Каждый раз это было начальное изумление, внутренний толчок: ну как же он изменился, как же она постарела. Затем, уже через несколько секунд, восприятие подстраивается, и ты видишь практически одни лишь сходства. Мозг приспособливается, а вслед за ним

и глаза; результаты старения, различия в одежде и причёске вырезаются цензорскими ножницами желания видеть непрерывность. Узнавание самых существенных черт заставляет сомневаться во всех прочих воспоминаниях. Человек может похудеть или располнеть, но его рост и костная структура остаются прежними. Вскоре начинает казаться, что ничего, в общем-то, не изменилось. Мозг перекраивает память о прошлом по образу и подобию настоящего.

Я знал, что Эдвин ещё не отошел от дел. Поработав несколько лет на моего отца, он организовал свою собственную мастерскую. Первое время она занималась разной технической мелочевкой, но мало-помалу превратилась в завод, специализировавшийся на изготовлении клапанов и вентиляей. В те дни главным заказчиком было министерство обороны, и Эдвин снабжал своими клапанами Королевские военно-морские силы. Когда-то он намеревался уйти на покой в шестьдесят лет, но бизнес процветал, и работа доставляла ему удовольствие. Она занимала большую часть его жизни.

— Ты бывал когда-нибудь в Херефордшире, рядом с валлийской границей? Я купил там маленький домик. Ничего такого особенного, но для нас с Мардж вполне хватит. Мы думали переселиться туда ещё в прошлом году, но как-то не собрались, и домик до сих пор не приведен в порядок. Он так и продолжает пустовать.

— А много там с ним работы? — поинтересовался я.

— Да ничего существенного, все на уровне побелить-покрасить. Просто там уже пару лет никто не живет. Нужно бы, конечно, проводку поменять, но с этим не горит. Ну и водопровод там малость допотопный.

— А хотите я им займусь? Не знаю, справлюсь ли я с водопроводом, но со всем остальным — вполне.

Идея была неожиданная и очень соблазнительная. Уникальная возможность сбежать ото всех этих проклятых проблем. В контексте моей свежобретенной ненависти к Лондону сельская местность приобрела манящие, романтические черты. Когда Эдвин заговорил о своем домике, эта смутная мечта начала обретать реальную форму; к тому же не подлежало сомнению, что, оставаясь в Лондоне, я не сделаю ничего полезного, а только буду все глубже погружаться в трясины беспомощной жалости к себе. А теперь я воспрял духом и стал уговаривать Эдвина сдать мне этот домик.

— Да что ты, — сказал Эдвин, — ничего я с тебя за него не возьму, живи сколько потребуется. Если, конечно, ты согласен мал-мала навести там порядок. Ну и еще, когда мы с Мардж решим уйти на покой, тебе придется подыскивать что-нибудь другое.

— Да мне и нужно только на несколько месяцев. На такое время, чтобы снова встать на ноги.